

ДИСКУССИОННЫЕ СТАТЬИ

УДК 616.89-008.441.56-017

*В.А. Пехтерев***ПРОВЕРКА ЯСПЕРСОМ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Донецкая областная клиническая психоневрологическая больница - медико-психологический центр

Ключевые слова: судебно-психиатрическая экспертиза, состязательность, научность, достоверность, общезначимость

В 1997 году вступил в силу Уголовный кодекс (УК) Российской Федерации (РФ), который статьей 22 ввел в теорию и практику российского уголовного права понятие ограниченной (уменьшенной) вменяемости. Это же понятие в 2001 году введено в Уголовный кодекс (УК) Украины. Формулировки статей УК РФ и УК Украины несколько различаются, но проблема, поставленная законодателем перед российскими и украинскими судебно-следственными органами, одна и та же. Теперь в РФ и на Украине нарушителей УК нужно разделять по психическому состоянию, не на две группы, как было в течение последних 100 лет, а на три: вменяемые, ограниченно вменяемые и невменяемые.

Мы уже писали о том, что понятие ограниченная вменяемость явилось своеобразной функциональной пробой для существующей судебно-психиатрической теории и практики (1). Судя по результатам этой пробы, переход на новый, более дифференцированный уровень деления нарушителей УК не имеет под собой научных оснований.

К. Ясперс писал о том, что любой прогресс в познании фактов означает также методический прогресс (2). Какой методический прогресс позволил российскому и украинскому законодателям перейти на более высокий уровень познания и дифференциации фактов? Какие новые, более точные научные методы появились в юриспруденции и психиатрии для исследования психического состояния нарушителей УК и разделения их на три группы?

Посмотрим насколько успешно в 20 веке юристы и судебные психиатры справлялись с более легкой задачей, с задачей разделения нарушителей УК на две группы. Если (при разделии нарушителей УК на две группы) степень точности методов была выше требуемой точности измерения и выше с запасом, то тогда мож-

но переходить к более сложной задаче (к разделению нарушителей УК на три группы). Если же научной степени точности не хватало для выполнения более легкого задания, то на что рассчитывал законодатель, вводя в УК более сложное задание? Гуманистический зуд законодателя следует контролировать до появления научных возможностей для удовлетворения его.

Юридический метод разделения нарушителей УК по их психическому состоянию состоит в направлении сомнительных в отношении вменяемости лиц на судебно-психиатрическую экспертизу (СПЭ) с последующей легитимизацией судьями врачебных указаний. При решении вопроса о вменяемости этот метод «перекладывания проблемы на чужие плечи» является сейчас основным. Можно верить в то, что решение юридической проблемы психиатрическими методами даёт точный научный результат. Но решение юридической проблемы юридическими методами предпочтительнее во всех отношениях. Юристы, к сожалению, следуют завету императора Александра 1, который в 1802 году в своем Указе калужскому губернатору Лопухину сказал: «На помешанных нет ни суда, ни закона» (3). В конце 20 века Кудрявцев В.Н. осовременил императорскую мысль, придав ей наукообразный вид: «Только поведение вменяемого может быть предметом правового регулирования, иначе право бессильно и потому неэффективно как инструмент социального управления» (4). Поэтому, поведение психически больных нарушителей УК находятся вне поля зрения юристов, которые считают его медицинской проблемой или медико-психологической, но не юридической. Вопрос о том, кто, какими методами, с какой степенью точности будет делить этих лиц на три группы, ими даже не обсуждается. По умолчанию считается, что делением этим занимаются психиатры. В то время как юристы за-

няты теоретическими рассуждениями о вменяемости, ограниченной вменяемости и невменяемости.

Действительно, последние 100 лет этим делением единолично занимались психиатры. Точнее, они извлекали из потока преступников лиц, которых считали психически больными и, тем самым, решали проблему. Точность такого деления не раз была объектом неконструктивной критики. Но критиковались не юристы, переложившие юридическую проблему на плечи психиатров, а врачи, помогающие своим больным или тем, кого они по ошибке за таковых принимали. Так, как точность психиатрических методов для решения старой юридической задачи была не всегда достаточна, то новая, усложненная юридическая задача вызовет еще больший поток критики в адрес психиатров и психиатрии. Надежность и точность судебно-психиатрических заключений вряд ли повысится от включения в состав СПЭ психологов: психологические методы надежностью и точностью не превосходят психиатрические. Получить точный результат, применяя два неточных, субъективных метода, сложно. Этическая задача психиатров, забота о престиже профессии состоит в том, чтобы громко и недвусмысленно заявить: при разделении нарушителей УК на три группы психиатрические методы будут давать еще менее точный результат, чем ранее. У нас нет даже приблизительных данных о процентном соотношении категоричных и вероятных (сомнительных) судебно-психиатрических заключений, разосланных за последние 100 лет в суды. Эти данные не интересуют ни суд, ни судебных психиатров. Считалось и считается, что все заключения СПЭ категоричны, окончательны и бесповоротны. Психиатрия не является точной наукой, а заключения её адептов суд принимает как точные и категоричные! Если суду удобно и выгодно считать: психиатрию точной наукой, опираться на заключение СПЭ как на истину в последней инстанции, не пускать в залы судебных заседаний альтернативные психиатрические мнения, то это их право и дело. Царствующее положение не просуществовало бы так долго, не будь оно выгодно судьям и судебным психиатрам, которые, в отличие от судей, терпят даже обвинения в злоупотреблениях. В любом случае именно судьи обязаны «всесторонне, полно и объективно» рассмотреть все обстоятельства дела. Они же обязаны нести всестороннюю и полную ответственность за окончательные его результаты. А посему, вне зависимости от зак-

лючения СПЭ, ругать возмущенная публика должна не психиатров, а судей. Это они злоупотребляют правосудием и, вопреки здравому смыслу, считают неточное - точным, а кривое - прямым.

Вернемся к точности психиатрических методов и объективности судебно-психиатрических заключений. Обратимся к цифрам. Зайцев А.В. приводит динамику решений вопросов о вменяемости испытуемых Институтом имени Сербского за период с 1921 по 1930 годы. Это лучшее научно-практическое судебно-психиатрическое учреждение на территории бывшего СССР. Результаты его работы дают возможность увидеть и оценить СПЭ «в чистом эксперименте» без ссылок на безграмотность и глупость исполнителей. По ним же можно судить о результатах работы всей судебно-психиатрической службы РФ и Украины, ибо если сливки таковы, то каково же молоко? В 1921 году из 139 человек, осмотренных в Институте, 31 (22,3%) человек - был признан уменьшенно вменяемым, а остальные 108 (77,7%) - невменяемыми. Вменяемых «не было». Это, со слов Зайцева А. В., «получило отрицательную оценку» и Институт «видоизменил свою судебно-психиатрическую практику, сужая круг лиц, подлежащих освобождению от судебной ответственности». Уже со следующего 1922 года вменяемых «заметили» и к 1930 году их было 39,8%. Зато уменьшенно вменяемых к 1928 году вообще перестали «замечать» (5). Видоизменения практики Института не было связано с методическим прогрессом: с устареванием существующих методов исследования в психиатрии или с появлением новых. Клинический метод исследования в психиатрии вот уже лет 200-ти остается главным и практически неизменным. Метод не меняется, а выводы судебно-психиатрических экспертиз, разброс цифр, «видоизменение практики» в течение 20 века впечатляют: от отсутствия вменяемых (0%) в 1921 году до 83% вменяемых по РФ в 2007 году (6). (Мы не нашли в Интернете данных о количестве вменяемых-невменяемых, признанных в Институте в последние годы, но вряд ли они намного отличаются от среднего по РФ).

Такую разницу результатов: от 0% вменяемых в 1921 году до 39,8% в 1930 году и до 83% в 2007 году; от 22,3 % уменьшено вменяемых в 1921 году до их отсутствия (0%) в 1928 году и до 3,7% в 2007 году (5, 6) - такой разброс цифр нельзя игнорировать в течение века. Либо психиатрические методы не научны, либо они применяются не по назначению? Если мы применя-

ем научный метод и получаем научные результаты, то результаты эти должны, хоть относительно, хоть едва-едва, но быть стабильными. Повторяемость и проверяемость научного результата – основа науки.

При неизменности научного метода научный результат должен быть неизменным. Или колебания его должны быть незначительны. Значительную разницу результатов, отмечаемую в течение всего 20 века при переходе от одной комиссии к другой или у одной и той же комиссии через некоторый промежуток времени, можно объяснить только ориентацией судебных психиатров при принятии решений на ненаучные факторы. То, что субъективные, а не объективные факторы являлись и являются решающими в принятии судебно-психиатрических экспертных решений, подтверждают все судебно-психиатрические отчеты в СССР, в РФ и на Украине. Например, в УССР в начале 80-х годов неменяемыми признавалось 12% осмотренных на СПЭ. К 2007 году число неменяемых на Украине сократилось до 4% от осмотренных (7). Связать эти изменения с объективными факторами (распространенностью психических расстройств, криминальной ситуацией и т.д.) не удастся даже судебным психиатрам. Изменения они объясняют субъективными, узко корпоративными, конвенциональными факторами: «унификация критериев», «возросшая точность судебно-психиатрических заключений», «изменением диагностических и экспертных критериев, наступивших вследствие реформ в психиатрии» (7). То есть, судебные психиатры открыто признают флюгероподобность своих экспертных заключений, а ссылка на «возросшую точность судебно-психиатрических заключений» голословна. Методический прогресс нулевой, но те, кто в 80-е годы признавались неменяемыми и направлялись в больницы, в 2007 году признаются вменяемыми и отправляются в тюрьму. А это 8%! В абсолютных цифрах это больше 2-х тысяч человек только 2007 году! В одной Украине! А вместе с Россией? За неимением лучшего, можно и это называть экспертизой, но глупо переоценивать точность неточной науки и принимать «сырые», не очищенные составительностью, судебно-психиатрические гипотезы за научные факты. Еще глупее редуцировать решение сложного юридического вопроса о вменяемости-невменяемости до уровня понимания его психиатрами.

Если мы считаем психиатрические методы научными, то неточные результаты, стабильно получаемые судебными психиатрами в течение

века, говорят о том, что эти методы применяются не по назначению. Применение методов одной науки для решения задач другой возможно на этапе становления науки, но в последующем любая наука должна, либо выработать свои методы, либо адаптировать чужие методы под свои нужды. Можно паразитировать на чужих, игнорируя приблизительность результата.

Судя по приведенным выше результатам работы СПЭ, не кажется ли вам, что психиатрические методы в судебной психиатрии играют роль научной ширмы, из-за которой судебные психиатры от имени Психиатрии вещают суду свою капризную волю?

Заключение СПЭ зачастую является всего лишь неочищенной составительностью экспертов судебно-психиатрической гипотезой. Своего рода «коктейлем», состоящим из научных и ненаучных знаний. (Добавление в него психологических терминов вряд ли увеличит научную составляющую.)

Мы должны ответить на два вопроса. Первый. Как в этом «коктейле» отделить научное от ненаучного? Второй. Если избавиться от ненаучного на современном уровне развития психиатрии нельзя, то, как свести его к минимуму? Как повысить уровень доказательности заключения СПЭ?

К. Ясперс писал о том, что науке присущи три необходимых признака: познавательные методы, достоверность и общезначимость (8). О неизменности познавательных методов в психиатрии мы уже сказали. На территории СССР о достоверности и общезначимости знаний, идущих от имени советской психиатрии в советский суд, беспокоится было не принято. С распадом СССР знания, накопленные судебными психиатрами за закрытыми дверями, должны были пройти проверку на научность. Шекспир говорил, что домоводная мудрость недалеко ушла от глупости. Общие психиатры должны были взвесить сектантски накопленные судебно-психиатрические знания и, в споре с судебными, разделить их на достоверные и недостоверные, вероятные и невероятные. Отфильтрованный остаток приобрел бы общезначимость в профессиональной среде. Потом этот же процесс должен был пройти с психиатрическими знаниями в обществе. Ясперс писал: «Я обладаю научным знанием лишь тогда, когда это знание общезначимо». Когда полученные научные данные единодушно понимаются не только специалистами, но и всеми мыслящими людьми (8).

Следовательно, научными в судебной психи-

атрии будут те знания, которые общие психиатры, а потом и общество единодушно или подавляющим большинством примут за достоверные. Нынешние судебно-психиатрические знания, не прошедшие проверку на достоверность и общезначимость даже в профессиональной среде, в категорию научных отнести нельзя. До научных знаний они еще «не дозрели».

Достичь достоверности и общезначимости судебно-психиатрических знаний можно было бы благодаря состязательности психиатров-экспертов в суде. Состязательность психиатров-экспертов могла бы отсеять зерна «научности» от плевел «ненаучности». Могла бы свести к минимуму «ненаучность» в заключениях экспертов. Нивелировать недостаток точности СПЭ. Повысить уровень знаний судей в данной области.

Без состязательности психиатров в суде кто отделит научность в заключениях СПЭ от домоседной (внутри комиссионной, внутри институтской) мудрости?

Подведем итог. Введение в УК понятия ограниченной вменяемости говорит о переоценке законодателем разрешающих возможностей судебно-психиатрической экспертизы. Разделение нарушителей УК на две группы в 20-м веке опиралось на смесь научных и ненаучных знаний. Зависимость судебно-психиатрических решений от ненаучных знаний была существенной. Трактовалось, диагностировалось это не как недостаток метода (объективные причины), а как недостаток честности у психиатров (субъективные причины). «Лечение» предлагалось соответствующее: придут честные психиатры и метод работает. В действительности проблема не в психиатрах, а в юристах. В их иждивенческой позиции, которую они не собираются менять даже, несмотря на очевидное: психиатрические методы своей точностью не вполне соответствовали, а сейчас еще более не соответствуют поставленным перед судебно-следственными органами задачам.

Юристы стоят на распутье. Перед ними, как перед богатырем в сказке, лежат три пути, словно олицетворяющие прошлое, настоящее и будущее.

Первый путь - это путь решения юридических задач психиатрическими методами. Идя по этому пути, судебно-следственные органы РФ и Украины пришли к нынешней своей 15-ти и 11-ти летней растерянности. Это путь, на котором положительный ответ на вопрос: здоров-болен - автоматически переводит нарушителя УК в категорию животных и, тем самым, делает излиш-

ним исследование его внутренней стороны преступления (ООД). Её нет, а значит «право бесследно и потому неэффективно как инструмент социального управления» (4). Продолжая идти путем пренебрежения юридического понимания внутренней стороны преступления (ООД) в пользу грубо приспособленного под цели правосудия, более примитивного и менее дифференцированного медицинского понимания психической деятельности нарушителей УК, юристам нужно позаботиться о том, чтобы придать «сырым», असостязательным судебно-психическим заключениям видимость научных. Лучше всего это сделать через еще большую закрытость судебной психиатрии, через огосударствление судебно-психиатрических экспертиз. (Что в РФ и на Украине уже сделано!) Только авторитетом и мощью государства можно прикрыть от критики решения, принятые на основании не достоверных и не общезначимых знаний. Еще лучше ввести уголовный запрет на критику заключений «экспертов» и выйти «на качественно новый уровень точности судебно-психиатрических экспертиз». Это решение надежное, но побитое молнией еще в тоталитарном гардеробе.

Второй путь, по которому уже сейчас можно идти и который не требует дополнительных финансовых вложений - это путь использования в суде знаний всего психиатрического сообщества, а не малой части его. Этот усовершенствованный психиатрический путь не возможен без состязательности психиатров. Только состязательность поднимет судебно-психиатрические знания до уровня достоверности и общезначимости не только в среде профессионалов, но и общества, то есть, сделает их научными. Это будет школой психиатрии для юристов и общества. Свежий профессиональный взгляд на десятилетиями закрытую область очистит её от околонучных предрассудков. Этот путь даст ответ на процентное соотношение категорических и вероятностных судебно-психиатрических решений. В большинстве случаев заключения СПЭ лишены предмета спора для профессионалов. Количество сомнительных, спорных, состязательных случаев вряд ли затопит суды затынутыми делами, ибо коснется небольшой части лиц, прошедших СПЭ.

Третий путь - это путь решения юридических задач юридическими методами с учётом заключения СПЭ. Юристы должны осознать, что психическое здоровье презюмировано. Все граждане, в том числе и преступники, психически здоровы до тех пор, пока убедительно не бу-

дет доказано обратное. Убедительным это доказательство будет не тогда, когда в уголовном процессе появляются судебные психиатры и командировывают подсудимого в больницу. А тогда, когда юристы исследуют субъективную сторону преступления. Узнают, как отразились в сознании нарушителя УК совершенное им общественно опасное деяние (ООД) и его последствия? Разберутся, сознавал ли нарушитель УК общественно опасный характер своего деяния? Предвидел ли его последствия? Желал или сознательно допускал их наступление? Или легкомысленно рассчитывал на их предотвращение? Узнают мотив и цель преступления (ООД). Ответив на все вопросы, необходимые при исследовании субъективной стороны преступления, юристы сами поймут и оценят психичес-

кий облик нарушителя УК. Психиатрам останется только квалифицировать найденные юристами факты, дополнить их симптомами, проскользнувшими сквозь «юридическое сито» или объяснить многообразие поведения симулянтов. Юристы соотнесут мнение психиатров о психическом состоянии нарушителя УК со своими данными, полученными при изучении внутренней стороны преступления (ООД) и сделают окончательные выводы. Этот путь даст юристам факты, на основании которых будет создана теория и практика юридического разделения нарушителей УК на три группы. Юридического разделения с учетом психиатрического, а не чисто психиатрического или психоло-психиатрического как сейчас. С нашей точки зрения, это путь, за которым будущее.

В.А. Пехтерев

ПЕРЕВІРКА ЯСПЕРСОМ СУДОВО-ПСИХІАТРИЧНОЇ ТЕОРІЇ І ПРАКТИКИ

Донецька обласна клінічна психоневрологічна лікарня - медико-психологічний центр

Введення в 1997 та 2001 роках у нові Кримінальні кодекси Російської Федерації та України юридичної норми «обмежена осудність» при відносній неточності психіатричних методів змушують юристів шукати свої, юридичні методи розділення порушників КК на три групи. (Журнал психіатрії та медичної психології. — 2012. — № 2 (29). — С. 114-118).

V.A. Pehterev

CHECKING BY JASPERS FORENSIC PSYCHIATRIC THEORY AND PRACTICE

Donetsk regional psycho neuralgic hospital – medico-psychological center

Introduction to the Criminal Code of Russian Federation in 1997 and to the Criminal Code of Ukraine in 2001 a new legal regulation on partial insanity when the relative inaccuracy of psychiatric methods had to force lawyers to seek for their legal separation techniques violators of the criminal code of the three groups. (The Journal of Psychiatry and Medical Psychology. — 2012. — № 2 (29). — P. 114-118).

Литература

1. Пехтерев В.А. Функциональная проба для судебно-психиатрической практики и её результаты. Независимый психиатрический журнал, №2, 2011, С. 64-70.
2. Ясперс К. Общая психопатология. Пер. с нем. – М., Практика, 1997. – 1056 с.
3. Лунц Д.Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии.- Изд. “Медицина”,-Москва,-1966.-236 с.
4. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982, С.70// Цит. по Михеев Р.И. Невменяемый. Социально-правовой очерк. – Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та.-1992.-288 с.
5. Зайцев А. В. Категория «уменьшенной вменяемости» и её применение в советском уголовном законодательстве (1917-1948

г.г.) //Держава і право: Збірник наукових праць. Юридичні і політичні науки. - Київ: Інститут держави і права ім. В. М. Корецького НАН України, 2004.-С. 501-506.

6. Мохонько А.Р. Актуальные проблемы организации судебно-психиатрической экспертной службы в Российской Федерации в 2007 г. Презентация PowerPoint . (<http://www.cardiosite.ru/articles/article.aspx?articleid=5733>)

7. Ревенок О.А., Арсенюк Т.М. Судово-психіатрична експертиза в Україні (2006–2007 роки) // Вісник психіатрії та психофармакотерапії.-2008. № 2 (14). -С.33-44.

8. Ясперс К. Смысл и назначение истории. Пер. с нем.-М.: Политиздат, 1991.-527 с.- (Мыслители XX века).

Поступила в редакцию 16.06.2012